

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I

© 2018 Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Статья поступила в редакцию 31.07.2018

Статья посвящена исследованию дипломатического искусства представителей российского МИД в период правления императора Николая I. Анализируются методы ведения дипломатических переговоров и принципы российской дипломатии в целом. Даются характеристики некоторых российских послов и посланников в ведущих европейских державах.

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика, российский МИД, международные отношения, дипломаты.

Давая оценку деятельности российской дипломатии второй четверти XIX в., отечественные исследователи непременно подчеркивают тот факт, что она осуществлялась в России дипломатами-немцами – или выходцами из Европы, или уроженцами прибалтийских губерний Российской империи. При этом национальная принадлежность дипломатов-немцев рассматривалась в качестве негативного фактора, имевшего прямое влияние на не национальную, не русскую политику, ими проводившуюся в период правления Николая I. С.С. Татищев, исследуя внешнюю политику российского императора, прямо указывал, что она была лишена «русской народности», а российские представители в европейских странах не имели «никакой своеобразности, ни малейшего сознания своего народного достоинства»¹. Тип русского дипломата, считает Татищев, сложился «по образу и подобию дипломата австрийского – тот же культ формы в ущерб содержанию». Автор перечисляет дипломатических представителей России за границей и приходит к выводу, что коренными русскими были лишь несколько человек из многочисленной когорты дипломатов – Д.П. Северин в Швейцарии, А.С. Горчаков (во Флоренции, при Германском союзе и в Вене) да А.П. Бутенев с В.П. Титовым в Турции. Причем двое последних являлись родственниками Нессельроде.

С Татищевым трудно не согласиться. И на зарубежных постах, и в центральном аппарате МИД действительно была велика доля немцев. Именно европейские немцы, искавшие «счастья» в России, и «свои» немцы из Остзейских губерний, которые зачастую были выходцами из небогатых дворянских родов и не гнушались «государевой службой» на низких должностях, составляли костяк министерства. К тому же все они имели хорошее образование европейских

Кудрявцева Елена Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.
E-mail: demetr22@mail.ru

университетов и страстное желание преуспеть в карьере, что разительно отличало их от русских аристократов – или фрондировавших по отношению к верховной власти, или считавших более престижным военную службу.

Особое внимание Татищев уделяет тому, что с приходом в Коллегию иностранных дел А. Чарторыйского русский язык был вытеснен из дипломатических документов. Его заменил французский вплоть до 80-х гг. XIX в. Вполне логичным выглядит то, что воспитанные за границей и ставшие представителями России дипломаты не говорили по-русски, поскольку были призваны не защищать интересы страны, а быть консультантами по «общим делам». Их донесения – это «выложенная французская фраза», которая не столько проясняла, сколько скрывала истинное положение международных дел, дезориентируя российское руководство и самого императора.

Безусловно, все эти претензии к российским дипломатам выглядят вполне логично, и во многом с ними можно согласиться. В то же время, оценивая общую практику дипломатической деятельности в Европе, обращает на себя внимание некая «интернациональность» дипломатического корпуса ведущих держав, привлекаящих на службу во внешнеполитическое ведомство достаточно пестрый по национальному составу контингент. Переход на службу из одной страны в другую был обычным делом – служили не державе как таковой, а выполняли определенное задание своего ведомства. Поэтому требование глубокого осознания национальных интересов той страны, которой дипломаты служили, выглядит вполне логичным, но несколько осовремененным. Впрочем, в исследуемый период в общественных кругах России уже вызревали требования служения именно национальной идее – об этом говорили и писали выдающиеся умы своей эпохи. П.А. Вяземский писал своему брату: «Только та дипломатия стоит

на высоте своего призвания, которая ... почерпает силу в соприкосновении с родной почвой»². Он же обращает внимание на важность такого фактора во внешнеполитической деятельности российских дипломатов, как их принадлежность к православию. «В нем ее (России. – Е.К.) независимость и индивидуальность посреди европейской семьи», – пишет автор, и именно этого, по его мнению, не хватает многим представителям российского МИД.

Конечно, отрыв от российской почвы не был на руку результативности дипломатической службы. Это касалось не столько национальной принадлежности дипломатов, как их долгой отлучки из России, которая вела к потере связей со своей страной за годы службы в Европе. Корсиканец К.О. Поццо ди Борго 20 лет прослужил российским послом в Париже, а в России оказался впервые лишь перед своей отставкой с этого поста в 1834 г. При этом Поццо ди Борго считался самым опытным дипломатом на российской службе – он регулярно направлял в Петербург общие записки о европейской политике, обозреваемой им «с птичьего полета» над центральной Европой. Его некоторая отвлеченность от русских дел и блестящая аналитика привели к тому, что российский посол получал предложения французского правительства возглавить кабинет, что, в свою очередь, вело к некоторому недоверию со стороны Российского МИД. Князь Х.А. Ливен также два десятилетия прослужил при Сент-Джеймском дворе, в России бывал редко, но именно его вызывали руководить министерством при продолжительных отъездах Нессельроде «на воды».

Безусловно, сам по себе анализ современной международной ситуации имел важное значение для российского МИД для общей оценки европейской политической жизни и выбора действий с учетом общих обстоятельств. Верно и то, что, предоставляя подобные данные, российские послы в ведущих странах Европы высказывали свои предложения по наиболее выгодному и приемлемому образу действия для России в каждый конкретный момент. Однако нельзя отрицать некоторую оторванность российских представителей за границей от чисто российских дел, заслоняемых общеевропейскими проблемами, и в то же время – вовлеченность во внутривнутриполитическую жизнь той державы, при которой российский посол, даже самого высокого уровня, был аккредитован.

Отличительной особенностью деятельности российских дипломатов в николаевский период было то, что исполнение своих профессиональных обязанностей им приходилось вести в условиях, когда роль управляющего внешней политикой России выполнял сам император. Фактически все исполнявшие службу диплома-

ты были подотчетны именно Николаю I. Конечно, формально именно в ведомство Нессельроде направлялись донесения послов и посланников, но важнейшие из них немедленно ложились на стол императора и получали его резолюции, до сих пор сохранившиеся на полях дипломатических бумаг. Созданный в 1846 г. в результате реорганизации МИД Совет министерства, хотя и включал в себя опытных и влиятельных советников, помогавших проанализировать ту или иную сложившуюся внешнеполитическую ситуацию, имел только совещательные функции. Император, как правило, самостоятельно принимал все решения, издавая указы, которые утверждались на заседаниях Комитета министров. В результате обсуждения указов в этом законосовещательном органе государственного управления они не подвергались критике или каким-либо изменениям.

Сам Карл Васильевич Нессельроде не принимал рискованных решений, во всем полагаясь на волю императора. Однако в окружении Николая I, несмотря на многочисленные свидетельства современников о крайней безликости канцлера, готового «стушеваться» в любой момент, именно мнение Нессельроде имело для императора решающее значение. Укоренившееся в отечественной литературе мнение о крайней несамостоятельности вице-канцлера, во всем полагавшегося на своего августейшего повелителя, можно подвергнуть некоторым сомнениям. Безусловно, последнее слово было за Николаем. Однако роль Нессельроде (и совсем немалая роль!) сводилась к тому, чтобы придать решению императора нужное направление. Это случалось не раз за многолетнюю службу Карла Васильевича. Во все критические моменты европейской жизни он, зная резкое неприятие Николаем I любых форм революционных преобразований, пытался сгладить реакцию своего патрона, подкорректировав ее для наиболее бесконфликтного решения возникшей проблемы. Соратник К. Меттерниха, Нессельроде также не приветствовал резких поворотов внешней политики, возникавших вслед за кардинальными изменениями внутренней жизни той или иной державы. Однако он, в отличие от Николая I, был более лоялен к европейским событиям, которых, как он прекрасно понимал, был не в силах изменить. Поэтому и пытался повлиять на императора, направляя его решения в наиболее безопасное, по его мнению, русло.

Именно таким образом складывались ситуации в 1830 и 1848 гг., когда во Франции произошли революционные события. О революции 1830 г. Нессельроде узнал, будучи на лечении в Карлсбаде. Меттерних, находившийся там же, сформировал мнение Карла Васильевича на произошедшее во Франции, а тот, в свою очередь,

постарался направить ход мыслей российского императора в том же направлении. Это удалось с трудом – Николай I не мог примириться с «узурпатором» на французском троне, отношения двух держав оставались напряженными в течение последующих 20-ти лет. Но решительного разрыва между правительствами не произошло, чего вполне можно было ожидать при известии о следующей революции в 1848 г. Недаром Николаю I приписывают фразу, произнесенную во время бала у наследника: «Господа, седлайте лошадей, во Франции революция». Даже если эти слова не были произнесены, то они с большой точностью выражают настроение императора при известии о переменах в Париже.

Несмотря на жесткий контроль со стороны императора, российские дипломаты в европейских столицах могли проявлять некоторую самостоятельность, сообразуясь с происходившими событиями в тех странах, при правительствах которых они были аккредитованы. Прежде всего это было связано с тем, что курьерские почтовые сообщения шли из Европы в Россию около двух недель. Инструкций приходилось ждать долго; высокая степень доверия к дипломатам, назначаемым при дворах великих держав, подразумевала возможность полагаться на их знания и опыт. Иногда политические события требовали быстрого реагирования; в этих случаях дипломаты действовали на свой страх и риск.

Подобные ситуации несколько раз случались с российскими представителями в Париже, с которым у Петербурга в течение продолжительного времени были весьма натянутые отношения. Так, в 1830 г. Николай I всерьез обсуждал со своими приближенными возможность войны. В пользу начала военных действий выступали военный министр Чернышев и фельдмаршал И.И. Дибич, получивший в окружении прозвище «фельдмаршал Самовар», в то время как Поццо ди Борго и Нессельроде приложили немало усилий для предотвращения такого развития событий и признания нового короля³. Николай I был вынужден сдаться, не находя возможности противостоят общевропейскому мнению. Он начертал на докладе Нессельроде: «Сдаюсь на ваши рассуждения, но призываю небо в свидетели, что это сделано и остается против моей совести»⁴. Таким образом, во многом благодаря послу России в Париже и вице-канцлеру военные намерения российского императора не получили своего развития и вскоре были совсем забыты.

В августе 1830 г. управляющий российским МИД Х.А. Ливен (заменивший Нессельроде, который встретил весть о французской революции на водах в Карлсбаде) разослал всем зарубежным представительством России приказ об отзыве всех российских подданных из Франции⁵. Поццо ди Борго также получил распоряжение

покинуть Париж, но пренебрег им; время показало, что он оказался прав. Согласно воспоминаниям Талейрана, Николай I даже хотел отправить Поццо ди Борго в отставку, но за него вступился Нессельроде, который заявил, что не останется в министерстве без этого дипломата⁶.

С Францией был связан и второй эпизод «непослушания» российского представителя указаниям российского МИД. После февральских событий 1848 г. Россия опять оказалась перед выбором – продолжать ли дипломатические отношения с республиканским правительством. «Республика или монархия, революционная или консервативная – Франция всегда остается державой, с которой надо считаться и которую никак не исключить из возможных комбинаций, направленных к созданию будущего европейского равновесия», – наставлял Киселева российский канцлер⁷. 3 (15) марта канцлер писал Киселеву о позиции России: «Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции; она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут возникнуть; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства... но с той минуты, когда Франция выступит за свои пределы, когда она нападет на одного из союзников императора, будет поддерживать революционное движение за границами своей территории и народы, восставшие против своих законных монархов, император придет на помощь державе, подвергшейся нападению»⁸. Все же в марте Киселев получил предписание покинуть Париж, то же должны были сделать и все русские, проживающие во Франции. Это требование стало следствием заявления министра иностранных дел Временного правительства А. де Ламартина, который хотя и объявил в своем циркуляре, что «провозглашение французской республики не является актом агрессии против какой-либо формы правительства в мире», все же поставил под вопрос справедливость Венских трактатов 1815 г. Однако уже 27 и 29 марта Нессельроде направил Киселеву повеление императора не покидать Парижа, «пока не пострадает от этого достоинство представителя России»⁹. Еще до получения этого предписания Киселев самостоятельно принял решение остаться в Париже и попытаться убедить Николая I не разрывать отношения с Францией. Конечно, посланник рисковал, но дальнейшие события показали правильность его выбора, который способствовал смягчению русско-французских отношений в дальнейшем. Никаких последствий для Киселева его неподчинение указаниям МИД не имело.

Эпизоды высокопрофессиональных действий российских дипломатов, когда их самостоятельные шаги не только не принесли урона российской политике, но послужили к ее выщей выгоде, можно дополнить. Особняком стоит

случай с российским посланником в Константинополе А.П. Бутеневым, произошедший в 1836 г. В январе 1836 г. Бутенев получил предписание директора Азиатского департамента К.К. Родофиникина сообщить европейским миссиям «о воспрещении иностранным военным (курсив мой. – Е.К.) судам входить в порты восточного берега Черного моря». Посланник был озадачен: как объявить представителям Англии и Франции о том, что уже давно действует в международных договорах? Еще на заседании Комитета Министров 18 мая 1810 г. было принято постановление о запрете (под угрозой ареста и конфискации) турецким судам подходить к находящемуся в блокаде восточному берегу Черного моря от Анапы до Мингрелии¹⁰. Тем более что по недавно заключенному Ункяр-Искелесийскому договору, который оценивался как внутри страны, так и за рубежом как большая победа российской дипломатии, было принято важное для России решение о закрытии Черного моря для военных судов всех иностранных держав.

Бутенев, не доверяя столь важные бумаги посольским канцеляристам, сам сел писать депешу в Петербург. В ней он буквально растолковывал МИДовским чинам основы заключенного русско-турецкого соглашения. Письмо заслуживает того, чтобы быть процитированным: «Кроме нашего и турецкого военного флага, – объяснял посланник, – никакой другой военный флаг не может и не смеет даже думать показаться на Черном море. Следственно, кажется неуместно было бы сообщить иностранным здесь миссиям о воспрещении их военным судам приставать в порты к берегам восточного Черного моря, ибо таковые суда не смеют и входить в самое Черное море. Таковое событие могло бы даже быть принято англичанами и французами в виду разрешения с нашей стороны плавать свободно под военным флагом по всему Черному морю, лишь бы только не подходить к Анапе или к берегам Абхазии; а таковое, хотя и натянутое толкование, навести может кучу хлопот и суматохи»¹¹.

Без промедления последовавший ответ Родофиникина заставляет вспомнить такого известного персонажа, как поручик Кижэ: «Депешу мою... покорнейше прошу считать яко вовсе несуществующею и для сего лучше всего оную сжечь, чтоб не могла в последствии породить ошибочное понятие о деле»¹². Приказание не было исполнено, иначе нельзя было бы узнать о реакции Петербурга на столь крупный дипломатический промах.

Впрочем, не всегда «самостоятельность» дипломатов встречала понимание Петербурга. Бутенев явился героем еще одного случая, который был весьма негативно истолкован российским МИД. В 1838 г. начался второй турецко-египетский кризис, вовлекший в его

разрешение ведущие европейские державы. Будучи лишь номинально подчиненным султану, египетский паша Мухаммед Али уже давно безраздельно правил в Египте и Сирии и был заинтересован в официальном признании его прав на наследственное владение этими территориями. Главной задачей Сент-Джеймского кабинета, стремившегося играть ведущую роль в разрешении кризиса, было не допустить Россию использовать свои формальные обязательства по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г., устранить ее от участия в турецко-египетском конфликте, дезавуировать действовавший между Россией и Турцией договор, заменив его общим, «коллективным» актом, гарантировавшим статус-кво в Османской империи. Отметим, что на первом этапе кризиса российское правительство безоговорочно отвергло предложение об общем договоре по турецким делам. Предложение о созыве конференции в Вене, исходившее от Меттерниха, русской стороной принято не было. Петербург был заинтересован в скорейшем урегулировании турецко-египетского конфликта без вмешательства европейских держав. По сведениям российского МИД, Порты была готова заключить соглашение с Мухаммедом Али на условиях передачи ему прав наследования всех областей, которыми египетский паша обладал к тому времени. Уполномоченные Порты уже готовы были выехать в Александрию, когда последовало вмешательство пяти европейских государств в форме ноты константинопольских посланников¹³. Эта нота была подписана 27 июля представителями Австрии, Англии, Франции, Пруссии и России. В ноте говорилось, что «солидарность пяти великих держав по восточному вопросу является обеспеченной и ... им поручено просить Блистательную Порту воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений»¹⁴. В отечественной историографии бытует мнение о том, что благодаря этой оплошности Бутенева, присоединившегося к ноте вопреки позиции, занятой российским МИД по отношению к коллективным мерам, Россия была вынуждена и в дальнейшем следовать в фарватере английских инициатив. Однако все последующие события свидетельствуют о том, что российское правительство не захотело оказаться в изоляции, и подпись Бутенева, следовательно, не носила фатального характера для дальнейшего развития ситуации, даже если он и не имел инструкций Петербурга о присоединении к такого рода документам. Следует подчеркнуть, что на данном этапе развития кризиса как Россия, так и Османская империя пытались избежать вмешательства других держав. Турецкое правительство согласилось с предложением российского посланника закончить дело двусторон-

ним соглашением, но под влиянием внушений австрийской дипломатии пересмотрело свою точку зрения, обратившись к представителям пяти заинтересованных стран. В данном случае Бутенев явился лишь заложником сложившейся ситуации, которая не была на руку российским властям, но отражала объективно сложившийся расклад международных политических сил на Ближнем Востоке¹⁵.

Дипломаты, представлявшие интересы России на международной арене, обладали хорошим образованием, были, как правило, воспитаны в дворянской среде, свободно говорили на иностранных языках (часто в ущерб русскому). Их знания и профессиональные навыки ничем не отличались от знаний и навыков их европейских коллег. Как правило, они были с уважением встречены в кругу дипломатического сообщества, к их мнению прислушивались и их авторитет не оспаривался. Иногда дипломат назначался исключительно по воле, симпатии и даже капризу императора, и в таком случае страдали интересы дела – межгосударственных и международных отношений. Так произошло, когда по желанию Николая I в Париж был назначен П.П. Пален – боевой генерал, незнакомый с тонкостями дипломатической службы. С прибытием этого дипломата в Париж русская политика во Франции стала жесткой, негибкой, что вызвало похвалы российского императора, считавшего, что только такая позиция российского правительства могла внушить уважение французской стороне. Русско-французские отношения были «заморожены» на десятилетия, что явилось исполнением воли Николая I, бездумно, по-военному выполненной непрофессиональным дипломатом. Таким образом, определенная корректировка высочайших повелений, которая непременно должна была происходить при их выполнении «на местах», была необходимым условием успешных действий дипломатических работников, знавших сиюминутную внутриполитическую обстановку в подведомственных им краях и умевших использовать ее для выполнения возложенной на них миссии наиболее рациональным и результативным способом.

Проблема «врастания» дипломата в среду той страны, куда он был назначен, касалась отнюдь не только российских дипломатических чиновников. То же происходило и с зарубежными представителями при высочайшем дворе. Секретарь французского посольства в Петербурге оставил любопытные заметки, в которых он давал характеристику всем членам дипломатического корпуса, присутствовавшим в российской столице в 1833 г. Его «Биографические заметки» характеризуют автора как наблюдательного, насмешливого и самоуверенного человека, оценивавшего каждого из иностранных

представителей прежде всего через призму их отношения к Франции.

Мари-Мельхиор-Жозеф-Теодоз де Лагрене служил во французском посольстве Петербурга в 1823-25, 1828 и 1831-34 гг., поднимаясь по карьерной лестнице с 3-го до 1-го секретаря посольства¹⁶. В целом он дает нелицеприятную картину общего состава дипломатического корпуса, аккредитованного при высочайшем дворе: «Мало найдется в Европе дворов, при которых иностранные кабинеты были бы представлены так неудачно, как в Санкт-Петербурге»¹⁷. Однако, чем же так не нравятся французскому секретарю его коллеги? Оказывается, они «держат себя до такой степени льстиво и подобострастно, что скорее можно принять их за царедворцев, рабски преданных императору российскому, нежели за представителей государств свободных и независимых»¹⁸. Итак, в основе оценок де Лагрене – отношение к Франции и «независимость» дипломатов от русского двора. Исходя из этих критериев де Лагрене позитивно отзывался лишь о прусском посланнике: Рейнгольд Отто Фридрих Август Шеллер, по словам автора, «остался пруссаком в Петербурге» и не боится говорить Нессельроде неприятные для него вещи. Напротив, другие дипломаты запятнали себя связями с русскими. Вюртембергский посланник – князь Христиан Людвиг Фридрих Генрих Гогенлоэ-Кинхберг, женившись на русской подданной Е.И. Голубцовой, по мнению де Лагрене, тесно сросся с русским двором. Его датский коллега, Оттон Блом, считает французский секретарь, является дипломатом только по имени, поскольку «друзья, связи, привычки, большая часть состояния, кою поместил он в петербургском банке или вложил в покупку земель в Крыму, все привязывает его к России»¹⁹. Даже умнейший из всех дипломатов, представленных в Петербурге, являвшийся негласным главой дипломатического корпуса, австрийский посол граф Карл-Людвиг Фикельмон не избежал русского влияния. Женитьба на графине Тизенгаузен «повлияла самым благоприятным образом на положение г-на де Фикельмона, сообщив его сношениям в России задушевность, какую порождают лишь узы семейные»²⁰. Если учесть, что австрийский посол был женат на внучке М.И. Кутузова, имевшей в Петербурге один из известнейших салонов, посещаемых высшей аристократией русской столицы, то следует признать, что Фикельмон обладал наиболее широкими связями по сравнению со своими коллегами. Де Лагрене упоминает тот факт, что в Петербурге в 1833 г. не было представительств Испании, Португалии, Бельгии, Швейцарии и мелких держав Германской конфедерации. Всем остальным представителям европейских держав был вынесен автором вердикт: они «удаляются от политики их правительств и вполне принимают сторо-

ну России». Цель их службы – получить русский орден, ради достижения этой цели дипломаты пренебрегают интересами своей страны. Проницательность де Лагрене была востребована французскими властями – ему доверяли. Впрочем, может быть, напрасно, поскольку, используя критерии верности своему правительству, провозглашенные французским секретарем, его служба также проходила не без изъяна: он хорошо знал русский язык и в конце своего пребывания в России женился на фрейлине В.И. Дубенской.

Таким образом, тема «срачивания» дипломатов со страной пребывания была общей проблемой дипломатической службы; не была она чужда и российским представителям. Известно, что посол России в Англии Ф.И. Бруннов слыл большим англофилом, что не помешало ему оставаться на своем месте в продолжение десятилетий. Российский посол в Австрии Д.П. Татищев считался «домашним человеком» у Меттерниха: в Петербурге было хорошо известно, что Татищев являлся рупором меттерниховских идей и политики, что, по всей вероятности, вполне устраивало Нессельроде, также не скрывавшего своих политических пристрастий. Эта сторона дипломатической службы хорошо известна и должна приниматься во внимание при характеристике деятельности заграничной службы. Однако другая сторона, связанная с оценкой политической ситуации и ее изложением в донесениях на высочайшее имя, имела важнейшее значение для российского МИД в плане создания объективной картины складывающейся международной ситуации. Искажения реальности в угоду императору являлись опасным проявлением верноподданничества, а подчас и прямым преступлением.

Объективность поступающей в российский МИД информации о внешнеполитических планах европейских правительств и настроениях общественного мнения не раз подвергалась сомнению со стороны исследователей. Многие дипломаты стремились «подправить» реальную картинку для того, чтобы не беспокоить Николая I и представить свою профессиональную деятельность более успешной, чем она была на самом деле. Желание затушевать реальные проблемы в межгосударственных отношениях можно отчетливо проследить по донесениям Киселева из Франции и Бруннова из Англии – оба фактически дезинформировали российский МИД относительно позиции правящих кругов этих стран накануне Крымской войны. Итогом стало создание искаженной картины международных отношений, что привело к полной неготовности России к началу военных действий.

Итак, российская дипломатическая школа николаевского времени продолжила традиции предшествовавшей эпохи – времен Петра

Великого, Екатерины II и Александра I, когда интересы российской внешней политики защищали опытные и талантливые дипломаты своего времени. Особенности политики Николая I, безусловно, накладывали отпечаток и на деятельность зарубежных представителей России. Нетерпимость российского императора к веяниям времени – проявлениям революционных преобразований в европейских государствах – требовала от дипломатов императорского кабинета проведения той политики, которая соответствовала бы взглядам и устремлениям Николая. Это вело к некоторой изоляции России на международной арене и закреплению за ней статуса «жандарма» Европы.

Неприятие императором преобразований в соседних державах сковывало действия российского МИД в установлении дружественных межгосударственных отношений и вело к росту европейской напряженности в целом. Таким образом, российские дипломаты, являясь заложниками политики своего правительства, были не в состоянии исправить сложившееся положение, даже взяв на себя часть ответственности за предпринимаемые ими инициативы.

Объективной оценкой деятельности русских дипломатов, как и успехов отечественной дипломатии в целом, могут служить результаты, достигнутые на переговорах российских представителей с делегатами стран-участниц международных конференций. В ходе конгрессов и конференций с участием России ее представители сумели выдвинуть и отстаивать наиболее выгодные для страны условия европейского урегулирования международных конфликтов. Такими соглашениями на протяжении николаевского времени были постановления Петербургской (1826 г.) и Лондонской конференций (1826 г.) по греческому вопросу, Адрианопольский мирный трактат 1829 г. по итогам русско-турецкой войны 1818-1829 гг., Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., заключенный между Россией и Османской империей, Мюнхенские соглашения 1833 г. с Австрией (и позже присоединившейся к ним Пруссией) и условия Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг., заключенных Россией, Великобританией, Австрией, Пруссией и Османской империей (ко второй конвенции присоединилась Франция). Все эти документы, за исключением последних, максимально учитывали интересы России в момент их подписания. Оценивая результаты Лондонских конвенций начала 40-х гг., следует иметь в виду как изменение общеевропейской ситуации ко времени их заключения, так и неготовность российской дипломатии отстаивать национальные интересы по причине смены политических ориентиров.

Краткая история заключения этих договоров такова. В апреле 1826 г. в Петербурге был подпи-

сан англо-русский протокол по урегулированию греческого вопроса. Со стороны Великобритании протокол подписал А. Веллингтон, от России – Нессельроде и Ливен. Веллингтон, герой наполеоновских войн, был принят в Петербурге со всеми полагающимися его рангу почестями, протокол успешно подписан. Однако результатами переговоров руководитель британской внешней политики лорд Каннинг остался недоволен, считая, что малосведущего в дипломатии военачальника обманули. Внешне протокол выглядел учитывающим интересы как одной, так и другой стороны: англо-русское соглашение подразумевало возможность действий против Порты Англии и России «сообща или единолично». Но если Великобритания не собиралась в это время воевать с Турцией, то для России путь к войне с Османской империей был открыт. Но именно этого-то и пытался избежать Сент-Джеймский кабинет накануне переговоров, опасаясь вмешательства России в Восточный кризис и ее выступления в поддержку восставших греков, что могло бы существенно укрепить позиции России в Греции и на Балканах! Условия конвенции развязывали руки русскому наступлению, и Наваринское сражение 8 октября 1827 г., в котором Турции противостояли объединенные флоты Англии, Франции и России, было расценено в качестве русской победы. «Наваринский погром» встревожил правительства Англии и Франции, показав уязвимость Османской империи. В Лондоне и Париже поспешили отказаться от лавров победителей. Английский король высказал сожаление «о сражении, происходившем с морскою силою древнего союзника». Пописывая документ о награждении командующего флотами английского вице-адмирала Кодрингтона орденом Бани, Георг IV якобы сказал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки»²¹.

Безусловной победой российской дипломатии стало заключение Адрианопольского мира по завершении русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

Во-первых, Россия выдвинула в условиях мирного договора только те требования, которые были заявлены ею накануне объявления войны Турции, хотя и они подверглись жесткой критике европейских держав. Во-вторых, благодаря умелому ведению переговоров, Россия сумела приобрести некоторые дополнительные преимущества, полученные в ходе русско-турецкой дискуссии. Мирные переговоры вел А.Ф. Орлов – блестящий дипломат и ближайший друг Николая I. Особенность государственной деятельности Орлова заключалась в том, что он долгое время не занимал какой-то определенной должности, но эпизодически назначался императором для выполнения его разовых, но весьма ответственных поручений²². Николай I

не раз подчеркивал, что ценит Орлова за преданность Отечеству. Перед заключением мира, посылая его в Адрианополь, император писал фельдмаршалу И.И. Дибичу: «... я пришло Орлова в качестве второго уполномоченного – как человека надежного, умного и истинно русского»²³. Со стороны Порты переговоры вели Мехмед Садык-эфенди, ведавший финансами в турецком правительстве, и Абдулкадыр-бей, второе после шейх-уль-ислама лицо в мусульманской духовной иерархии. На многочасовых заседаниях Орлов не раз с блеском выходил из сложных ситуаций, грозивших прекращением переговоров²⁴. Действительно, поведение турецких уполномоченных выглядело неадекватным: русская армия стояла у ворот Константинополя, а турки не прекращали «бесконечных словопрений». Они предложили Орлову «предлинную хартию», которую тот посоветовал «отложить в сторону и даже в протоколе заседаний об ней не упоминать»²⁵. Дежурный генерал А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал любопытный эпизод, свидетельствующий о живом уме Орлова, его умении легко и остроумно улаживать недоразумения. Турки возражали против передачи России островов в устье Дуная, «ибо острова сии, поросшие камышом, в котором гнездились змеи, никакой политической важности в себе не заключали». Орлов в ответ заметил: «Острова сии так ничтожны, что ежели бы Порта их уступила лично ему, то он бы их не взял; возражение сие заставило турецких министров смеяться, и они по сему предмету более не прекословили»²⁶. Заметим, что лично для Орлова острова действительно не представляли никакой ценности, однако обладание ими предоставляло России возможность контролировать судоходство по Дунаю.

С именем Орлова связано и заключение русско-турецкого Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. На переговоры вновь выехал Алексей Федорович, хотя в турецкой столице находился опытный дипломат А.П. Бутенев, а сухопутным десантом, высадившимся на азиатском берегу Босфора, командовал Н.Н. Муравьев, установивший хороший контакт с турецким правительством и самим султаном. Отметим, что Бутенев буквально «спас» договор накануне его заключения. Когда адмирал М.П. Лазарев привел русскую эскадру в Босфор и она картинно бросила якорь перед российским посольством «в виду английской и французской миссий», посланник Франции Руссен заявил, что принимает на себя завершение переговоров между Портой и Египтом. «Я никогда не видел рассудительного и скромного Бутенева в таком негодовании», – вспоминает Муравьев. Перед посланником стоял выбор: или следовать наставлениям министерства, предписывающего отнюдь не на-

вязывать туркам вооруженного пособия, или к стыду двора нашего допустить дерзкие разглашения французов, что они выслали флот наш из Босфора»²⁷. Он не принял турецкой ноты, где министры султана ссылались в своем решении на волю французов, и выступил перед Диваном с резким протестом. Проявленные Бутеневым воля и решимость сохранили возможность заключения самого успешного из русско-турецких договоров. «По скромности Бутенева блистательный подвиг его остался безгласен», – свидетельствует Муравьев, который считал, что начальство недооценило как личные достоинства этого дипломата, умевшего явить твердость в нужный момент, так и его вклад в успешное завершение всей Босфорской миссии.

Все лавры снова достались Орлову. Турки приняли его как старого знакомого, которому с удовольствием дали согласие на вывод русского флота из Босфора после заключения договора 26 июня 1833 г. Наиболее важным его пунктом стало условие о закрытии Портой Дарданелльского пролива в случае войны России с третьей державой. Это был бесспорный успех русской дипломатии, укреплявший военно-политическое преимущество России в одном из важнейших стратегических узлов Ближнего Востока.

В 1833 г. Россия подписала еще две конвенции с союзниками – Австрией и Пруссией. Условия этих конвенций шли в русле общих задач внешней политики России на Востоке: они подтверждали русско-турецкий союз, что было крайне важно для российского руководства. Секретная статья Мюнхенгрецкой конвенции с Австрией подразумевала, что «в случае ниспровержения современного порядка в Турции» обе державы будут действовать согласованно. Таким образом, Россия последовательно закрепляла все достигнутые успехи на Востоке. Можно сказать, что российская дипломатия действовала уверенно и профессионально, а отдельные дипломаты способствовали достижению этого успеха.

Особняком стоит история заключения Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. Их результаты, полученные в итоге продолжительных и тяжелых для России переговоров, никак нельзя отнести к успехам отечественной дипломатии – отказ от контроля и преимуществ плавания в Проливах явился уступкой, сделанной ради поддержания европейского партнерства и был вынужденной мерой для российского правительства. Таким образом, слабая дипломатическая подготовка к заключению конвенций и явная неготовность российского посла в Лондоне Бруннова отстаивать интересы России привели к стратегически важным изменениям в расстановке политических сил на европейской арене в отношении важнейшего для великих держав Восточного вопроса.

В целом, оценивая дипломатическую историю России в период николаевского царствования, можно говорить об имеющихся просчетах внешнеполитического курса российского правительства, связанного с субъективно-личностными особенностями характера и политических воззрений российского императора. Что касается дипломатии как инструмента проведения в жизнь главных задач, поставленных перед ней правительством и лично Николаем I, то следует отметить, что ее успехи и просчеты были результатом выработанного в недрах российского МИД внешнеполитического курса. Дипломатическая служба Российской империи и отдельные представители российского МИД за рубежом действовали достаточно четко и профессионально. Более того, отдельные дипломаты не раз брали на себя инициативу в корректировках и «поправках» полученных из Петербурга инструкций, что ни разу не было признано ошибочным или неудачным со стороны российского МИД. Самостоятельные и решительные действия отдельных дипломатических представителей не раз спасали ситуацию, которая складывалась не в пользу России и требовала принятия немедленных решений.

Итак, несмотря на то, что дипломатическая служба формировалась во многом благодаря семейным и придворным связям, включала большое число иностранцев, оторванных от российской почвы или вовсе с ней незнакомых, профессиональная деятельность отечественной дипломатии соответствовала задачам российской внешней политики и вполне выдерживала конкуренцию, которую составляла ей дипломатия ведущих европейских держав. Россию представляли за рубежом разносторонне подготовленные и хорошо образованные выходцы из русского и немецко-прибалтийского дворянства. Хорошее знание нескольких европейских языков, разносторонние связи в дипломатической среде и профессионализм способствовали тому, что российские представители за рубежом пользовались заслуженным уважением коллег, видевших в них достойных представителей одной из наиболее могущественных держав Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Татищев С.С.* Русская дипломатия. Старая и новая. М., 2017. С.56.
- ² Из старой записной книжки. ПСС П.А. Вяземского. Т.Х. СПб., 1892. С.87.
- ³ *Bougoing P de.* Souvenirs d'Histoire contemporaine. Paris, 1864. P.525.
- ⁴ *Манухина Н.П.* Русско-французские отношения в годы июльской монархии // Россия и Франция. XVIII-XIX века. Вып.3. М., 2005. С.118.
- ⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы МИД РФ. Т.XVII. М., 2005. С.40. Х.А. Ливен ди-

- пломатическим представителям за границей. 4(16) августа 1830 г.
- ⁶ *Таньшина Н.П.* Русский кисель на немецкой закваске // *Родина*. 2009. №5. С.79.
- ⁷ Австрийская революция 1848 г. и Николай I // *Красный архив*. М., 1938. Т.4-5. С.188. К.В. Нессельроде – Н.Д. Киселеву. 6 (18) апреля 1848 г.
- ⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.XV. СПб., 1909. С.228-229.
- ⁹ Там же. С.229.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб ГА II-3, Оп.34. Д.1 (1810). Л.6об. Выписка из журнала Комитета министров от 18 мая 1810 г.
- ¹¹ Там же. Ф. Турецкий стол (старый). Оп.502а. Д.4607. Л.193-194. А.П. Бутенев – К.К. Родофиникину. 20 февраля 1836 г.
- ¹² Там же. Л.199. Из Азиатского департамента – А.П. Бутеневу. 17 марта 1836 г.
- ¹³ Там же. Ф. Канцелярия. Д.229. Л.258об.-259.
- ¹⁴ *Георгиев В.А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С.93.
- ¹⁵ См. подробнее: *Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности. 1812-1856. М., 2009. С.132-135.
- ¹⁶ *Мильчина В.А.* Дипломатический корпус в Петербурге глазами первого секретаря французской миссии // *Одиссей*. 2003. С.201.
- ¹⁷ Цит. по: там же.
- ¹⁸ Цит. по: там же. С.202.
- ¹⁹ Цит. по: там же. С.206.
- ²⁰ Цит. по: там же. С.208.
- ²¹ Цит. по: *Шпаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия (1821-1829). М., 1965. С.244.
- ²² Подробнее см.: *Кудрявцева Е.П.* Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем Востоке // *Российская дипломатия в портретах*. М., 1992.
- ²³ *Русская старина*. 1881. Т.XXXII. Ст.5597. Николай I – И.И. Дибичу. 9 июня 1829 г.
- ²⁴ Подробнее см.: *Кудрявцева Е.П.* Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.
- ²⁵ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Адрианопольский мир: по рассказу Михайловского-Данилевского // *Русский вестник*. СПб., 1889. Т.203. С.19.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869. С.27.

DIPLOMACY AND DIPLOMATS UNDER NICOLAS I

© 2018 E.P. Kudryavtseva

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the study of the diplomatic art of Russian diplomats under the emperor Nicolas I. The author analyses negotiation methods and principles of Russian diplomacy, characterizes the most distinguished Russian diplomats in the capitals of the leading European countries.

Keywords: diplomacy, foreign policy, Russian Ministry of Foreign Affairs, international relations, diplomats.